

Выход в свет обширного труда Wogulisches Wörterbuch является важным событием в истории изучения мансийского (вогульского) языка и финно-угорской лексикографии в целом. Не вызывает удивления, что этот словарь издан именно в Венгрии. Как известно, научное исследование языка народа манси впервые было начато венгерскими учеными в середине прошлого столетия. Первым языковедом, побывавшим у манси, был Антал Регули, приезжавший в Россию для поисков языков, родственных венгерскому. С одобрения Российской Академии наук Регули выезжает на север Западной Сибири и проводит среди манси год (1843—1844 гг.). За это время он проходит почти всю огромную территорию расселения манси, собирает богатый лексический материал, записывает тексты (в основном у носителей лозьвинских, пельмского и северных диалектов) и составляет подробную для того времени карту Северного Урала, которая была издана в 1846 г. в Петербурге [1]. А. Регули вернулся на родину больным и вскоре скончался, не успев приступить к обработке своих записей. Часть его рукописного наследия, в том числе тексты по северному наречию, была обработана и опубликована Палом Хунфалви [2]. Тексты же по другим диалектам оставались нерасшифрованными. Это обстоятельство побудило другого известного венгерского языковеда Берната Мункачи предпринять поездку к манси. Он провёл среди манси почти год (1888—1889 гг.), сумел перевести на венгерский язык все тексты А. Регули и сам собрал богатейший фольклорный материал у представителей различных мансийских территориальных диалектных групп.

По возвращении в Венгрию Б. Мункачи приступает к обработке текстов и в 1892—1896 гг. издает четыре толстых тома собраний мансийского фольклора [3]. Первый том, состоящий из двух частей, посвящен легендам, мифам о возникновении мира и жизни на Земле... Вторая часть тома включает этнографические сведения и лингвистические толкования мансийских слов и различного рода комментарии о мансийском устном творчестве и мировоззрении (этот том издан в 1892—1902 гг., объем — CДIV + 291 с.). Второй том содержит обрядовые произведения «Героические песни о древних предках манси» (1892, 756 с.) К этому тому также даны толкования мансийских слов и комментарии к текстам (изданы они в двух частях — 1892—1921 гг., 772 с.). В третьем томе (1894 г.,

539 с.) опубликованы «Медвежьи песни», относящиеся к обрядовым произведениям и исполнявшиеся во время медвежьего праздника. Четвертый том посвящен лирическим песням манси (1896 г., 440 с.), которые составитель называет еще «Песнями судьбы».

В названных выше трудах Б. Мункачи представлено богатейшее устное творчество народа манси, собранное в различных районах их расселения. Тексты сохраняют диалектное состояние мансийского языка в прошлом столетии. Так, в них отражено: 1) северное наречие, в котором Б. Мункачи выделяет сыгвинский, сосьвинский, верхнедозьвинский диалекты; 2) западное наречие, делящееся на диалекты: среднедозьвинский, нижнедозьвинский, пельмский, вагильский; 3) восточное наречие, или кондинское, в нем выделены верхнекондинский, среднекондинский и нижнекондинский диалекты; 4) южный, или тавдинский, диалект.

Параллельно с обработкой текстов Б. Мункачи подготовил и опубликовал «Краткий очерк грамматики» шести основных диалектов мансийского языка: северного, среднедозьвинского, нижнедозьвинского, пельмского, кондинского и тавдинского. В очерке достаточно полно представлены парадигмы склонения имен существительных, спряжения глаголов и объяснения к ним [4], см. также [5].

Из перечисленных выше диалектных групп северное наречие и поныне еще является средством общения, частично и некоторые кондинские манси пользуются родным языком в быту. Носители таких диалектов, как среднедозьвинский, нижнедозьвинский, пельмский и тавдинский, полностью утратили родной язык как средство общения, они ассимилированы соседними народами и пользуются в основном русским языком.

К последним двум томам текстов Б. Мункачи не успел сам подготовить и издать комментарии. Этот труд после его смерти взял на себя другой венгерский ученый, финно-угровед с мировым именем акад. Бела Кальман. Анализ и комментарии к III тому текстовых выходят в свет в 1952 г. (436 с.), к IV тому — в 1963 г. (314 с.).

Кроме того, на основе фольклорных текстов Б. Мункачи он составляет на венгерском языке первую вузовскую хрестоматию [6] и одновременно усиленно работает над завершением мансийского словаря, оставленного Б. Мункачи в рукописи, систематизирует и дополняет его. Через несколько десятков лет в свет выходит труд двух великих венгерских

ученых Мункачи — Кальмана: *Wogulisches Wörterbuch* «Словарь вогульского (мансийского) языка». Это первый научный словарь мансийского языка, поскольку до сих пор издавались лишь отдельные словники или небольшие школьные словари объемом всего в несколько тысяч слов. Рецензируемый словарь составлен на основе текстов, записанных Б. Мункачи, но дополнен лексическими материалами, собранными Б. Кальманом в 1957—1958 гг. и 1968 г. среди студентов манси ЛГПИ им. А. И. Герцена [7]. Словарь охватывает слова мансийских диалектов: кондинского наречия (K) с его верхнекондинским (KO), среднекондинским (KM), нижнекондинским (KU) диалектами, среднелозьвинского (LM), нижнелозьвинского (LU), северного (N) с его сосывинским (So) и сыгвинским (Sy) диалектами, пельмского (P), тавдинского (T). В основной словарной статье представлены все диалектные варианты мансийского слова, с указанием диалектов, ср., например: *kwons* (*kwoss*) [*kos*] N, LM *kwānš* (*kwāš* ~ *kwāšš*), LU *kwānš*, P *kwānš* (*kwāš*), K *kwāns* (*kwāš*), T *kunš* ~ *khunš* *kōrōm*; *karom*; (N *még*) *marék* / Nagel; Klau; ... (с. 239).

Из перечисленных выше шести основных диалектов четыре из них — тавдинский, пельмский, среднелозьвинский и нижнелозьвинский — полностью утрачены, слова со знаками T, P, LM, LU не бытуют в современном мансийском языке.

В этом словаре, как и в текстах, изданных в Венгрии и Финляндии, используется научная общепинноугорская фонологическая транскрипция, созданная еще в прошлом столетии на основе латинской графики, правильно отражающей звучание текста. Мансийские слова зафиксированы исключительно точно, в них отражены все специфические звуки языка в том виде, как они звучали в живой речи. Словарь охватывает лексику всех диалектов мансийского языка, существовавших еще в прошлом столетии. При раскрытии значений слов указывается язык-источник, из которого заимствовано слово.

Словарь отражает лексику многосторонней культуры народа манси, он нужен и полезен не только языковедам широкого профиля — диалектологам, этимологам, компаративистам, топонимистам и фольклористам, но и историкам и этнографам, он необходим и при составлении исторической фонетики мансийского языка. По своей сути это — историко-диалектологический словарь с этимологическими экскурсами.

Композиция словаря следующая: Предисловие — на немецком (с. 6—14) и венгерском (с. 15—20) языках. В нем говорится, какие источники послужили

основой данного труда, какая система гласных была применена в них и какая использована в этом словаре (с. 9). Особо выделяется система гласных первого и непервого слогов, даются пояснения относительно обозначений гласных в записях Б. Мункачи (с. 10—11) и внесенных в словарь уточнениях.

Заглавные слова вместе с диалектными вариантами расположены в алфавитном порядке и снабжены переводами на венгерском и немецком языках. Словарные статьи насыщены богатейшим фразеологическим материалом с пометой соответствующего диалекта и даны в переводе на немецкий язык. Диалектные варианты слов выведены в отдельную статью со ссылкой на заглавное слово, где они приводятся и сопровождаются примерами из источников.

В конце словаря помещены указатели немецких (с. 747—839) и венгерских слов (с. 841—950) со ссылками на соответствующие страницы корпуса словаря.

Словарь, составленный учеными Мункачи—Кальманом, весьма богат по содержанию и охватывает все диалекты мансийского языка. Такие диалекты, как северные и южные, западные и восточные, существенно отличаются друг от друга: их носители размещались по отдаленным друг от друга речным системам, разьединенным непроходимыми болотами и дремучими лесами, и поэтому зачастую без специальной подготовки при общении не понимают друг друга.

Словарь по структуре тщательно продуман, материал его компактно и стройно изложен, точно зафиксирован лексический и фразеологический текст. Работа полиграфически сложная, но весь словарный набор сделан исключительно точно. Рецензенту не удалось обнаружить каких-либо опечаток. Хотелся сделать лишь одно маленькое замечание. С нашей точки зрения, глаголы префиксального происхождения и глаголы со значением «процесса протекания действия» (многократные, длительные, мгновенные, нейтральные, глаголы со значением «действие совершается иногда», «действие началось» или «начиналось и прекратилось», «действие повторилось лишь один раз») в словаре представлены ограниченно. Отмеченная неполнота лексики языка ни в коем случае не умаляет высоких достоинств этого ценного и столь необходимого для финно-угроведов труда. Словарь, несомненно, станет настольным пособием для всех специалистов, занимающихся исследованием мансийского и других финно-угорских языков. Этот словарь, как и все предыдущие работы венгерских языковедов, — плод высокой компетентности и высокой лингвистической

культуры ученых, занимающихся изучением малоизученных конкретных языков.

Ромбандеева Е. И.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ethnographisch-geographische Karte des nördlichen Ural Gebietes entworfen auf einer Reise in den Jahren 1844—1845 von Anton Reguly. S.-Peterburg, 1846.
2. Hunfalvy P. A vogul föld és nép. Pest, 1864.

3. Munkácsi B. Vogul népköltési dyűjtemény. I—IV. Bp., 1892—1896.
4. Munkácsi B. A vogul nyelvjárások szóragozásukban ismertetve // NyK. XXI—XXIV. 1890—1894.
5. Munkácsi B. Ugor füzetek. Bp., 1894. 11 szám.
6. Kálmán B. Manysi nyelvkönyv. Bp., 1955.
7. Kálmán B. Wogulische Texte mit einem Glossar. Bp., 1976.

Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі. Київ: Наукова думка, 1985. 253 с.

Рецензируемый «Этимологический словарь летописных географических названий Южной Руси» — оригинально задуманное, тщательно выполненное и весьма своевременное издание. Авторы труда (И. М. Железняк, А. П. Корепанова, Л. Т. Масенко и А. С. Сtryжак) сознательно пошли на ограничение источников словаря древнерусскими летописями до XIII в. включительно, не выходя при этом, как можно видеть по названию книги, за определенные географические границы, однако установленные таким образом рамки исследования никак нельзя назвать узкими. Поскольку словарь включает множество географических названий, которые сохранились и в более позднее время (среди них такие важные с этимологической и этнолингвистической точки зрения, как *Дѣибрѣ*, *Какалы*, *Кыевъ*, *Половци*, *Русь* и мн. др.), новый труд украинских ученых не только содержит подробные и полные сведения о древнерусской ономастике, но часто оказывается и незаменимым подспорьем для специалистов по восточнославянским географическим названиям в целом.

Структура словаря и словарных статей хорошо продумана [1], что, конечно, облегчает пользование книгой. В сущности, перед нами не обычный этимологический справочник, а словарь историко-этимологического типа, сообщающий о каждом географическом названии богатую и разнообразную информацию: название в его древнерусской форме, локализацию соответствующего географического объекта (или объектов), современное название того же объекта (с вариантами), летописный материал с подробной документацией, этимологические сведения.

К достижениям авторов безусловно следует отнести этимологическую разработ-

ку словарных статей. В этимологической части статьи с большой полнотой и, вместе с тем, ясно и лаконично реферируются этимологии данного географического названия, предлагавшиеся в научной литературе. Иногда этимологические справки довольно кратки (а в некоторых случаях, когда географическое название вообще не привлекало внимания этимологов, вообще отсутствуют), но в ряде случаев они занимают по несколько страниц и живо рисуют былые и нынешние споры этимологов о происхождении гидронимов и топонимов, имеющих ключевое значение для древнейшей истории восточного славянства.

Этимологический раздел каждой словарной статьи обычно включает и мнение авторов словаря. Иногда при этом предлагается новое и оригинальное решение проблемы; в других случаях авторы принимают, с теми или иными оговорками, одну из предложенных ранее этимологий. Понятно, что выбор оптимальной этимологии из ряда уже существующих часто требует от исследователя не менее тонкого и взвешенного подхода, чем разработка самостоятельного объяснения. Поэтому мы можем с полным правом сказать, что, осуществляя этот выбор, составители словаря решают сложнейшие этимологические проблемы, — и решают, как правило, удачно. Вместе с тем авторы правы и тогда, когда оставляют некоторые географические названия без этимологического объяснения, не умножая тем самым и без того длинный список гадательных ономастических этимологий.

Из большого числа удачных толкований достаточно выбрать несколько примеров, иллюстрирующих работу авторов. Анализируя летописные свидетельства, содержащие гидроним *Богъ* как назва-